

Лермонтов М. Ю.

14/X
1984

К 170-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова

«Еще желал бы здесь пробыть...»

ЕСЛИ взойти на острую грань холма, которым заканчивается Середниковский парк, то увидишь внизу прихотливое русло подмосковной речки-красавицы Горетовки и дороги, уводящие в окрестные села Лигачево, Федоровку, Большаково... Юный Лермонтов узнал эти места Подмосковья впервые пятнадцати лет от роду и стихами, исполненными недетской грусти и мудрости, воспел их.

Вспоминается: «Холм крутой осенним солнцем озарен. Река бежит внизу по камням с быстротой. И на холме пришелец молодой, завернут в плащ, недвижимо сидит под старою берзой». Осенние сумерки почти мгновенно сменяет темнота, ветер разгоняет высокие тучи, и полная луна голубым сиянием заликает туманные дали. «В неверный час, меж днем и темнотой, когда туман синее над водой...», «Есть место: близ тропы глухой, в лесу пустынном, средь поляны, где выются вечером туманы, осеребренные луной...» — эти лермонтовские строки буквально насыщают все окрест: и небо, и воздух, и землю, и воду. Так же, как те, предсмертные, в которых нарисован потрясающий образ разговаривающих друг с другом звезд, и поэт смотрит на землю, словно из космической дали: «Спит земля в сиянье голубом...».

Мишелем звали его кузина Сашенька Верещагина и подруга ее — черноокая красавица Катенька Сушкова. Он любил людей и презирал самодовольство, тупость, подлость, ложь. Уединясь здесь, в глубине парка, думал о том, что завтра, в воскресенье, снова приедут в Середниково эти милые девушки, соберется здешнее общество и, наконец, придет этот дальний родственник, рыжий и глупый Иван Яковлевич, который хвалится, что читал Руссо: «И еще будут немилые и глупые барышни из соседних поместий. Все окружат его и будут просить стихотворных экспромтов. И Мишель вспоминает читанные в рукописи строки Пушкина: «О, сколько лиц бесстыдно-бледных, о, сколько лбов широко-медных готовы от меня принять неизгладимую печать!».

Он одарит прекрасными стихами кузину и ее красавицу подругу, обольет холодной водой Миронию нелепую кокетку: «Три грации считались в древнем мире, родились вы... всё три, а не четыре». А самодовольному Ивану Яковлевичу скажет под смех окружающих по-французски: «Вы Иван (Жан), вы Яковлевич (Жак), вы рыжий (ру), вы глупый (со), но вы не Жан Жак Руссо!». Дни, вечера и ночи в Середникове наполнены прогулками, верховыми и пешими, дальними и ближними, весельем, стихами, влюбленностью. Рядом — любимая и лю-

бящая бабушка Елизавета Алексеевна, глаз не спускающая с дорогого Мишеньки, единственного внука. И странно, лишь в десяти верстах отсюда, за рекою Клязьмой, в имении Цесарка, проводит тоже летние каникулы Мартынов, ровесник Лермонтова и его будущий убийца. Через два года Мартынов станет приятелем Лермонтова по Петербургской юнкерской школе, через пять, вступив в кавалергардский полк, близко сдружится с Дантесом-Геккереном. Еще че-

рез два года от «безжалостной руки» последнего падет Пушкин, и Михаил Лермонтов совершит свой поэтический подвиг, написав стихотворение «Смерть поэта».

«Он задыхался в тесной сфере, куда его втокнула судьба», — скажет о поэте Иван Тургенев. В последний раз покидая Петербург, зайдет Лермонтов с приятелем к той самой знаменитой гадалке Кирхгоф, что жила у Пяти углов и которая предсказала когда-то юному Пушкину смерть от руки «белого человека». Предсказание Лермонтову будет мрачным. И вновь возникнет в Пятигорске рядом с поэтом, нелепая фигура Мартынова, и «судьбы свершится приговор», когда сойдется на тропе у Машука благородное великодушие гения и самовлюбленная и расчетливая ярость ничтожества, к тому же поощряемая сильными мира сего...

Усадьба Середниково принадлежала семье Столыпиных. А ее хозяин Д. А. Столыпин был родным братом бабушки Лермонтова, боевым генералом, участником Отечественной войны 1812 года, человеком, близким по убеждениям к декабристам, другом Пестеля. Скончался он загадочно и скоротечно в те самые дни, когда велось следствие по делу декабристов. В летние месяцы 1829—1832 годов, когда в Середниково приезжал на каникулы студент Университетского благородного пансиона, а затем и Московского университета Михаил Лермонтов, хозяйкой имения была вдова Дмитрия Алексеевича, хлебосольная и

гостеприимная Екатерина Апраксеевна.

Посреди бывшего усадебного двора я останавливаюсь возле бюста Лермонтова работы А. С. Голубкиной, и мне на память приходят слова Александра Блока: «Почвы для исследования Лермонтова нет — биография нищенская. Остается «провидеть» Лермонтова...». В окрестностях Середникова «провидеть» гениального поэта позволяют многие его стихотворения, созданные здесь. Многие из них посвящены Е. А. Сушковой, предмету страстной юношеской привязанности Лермонтова. На листах рукописей — пометки рукой поэта: «Ночь, сидя в Середникове у окна». «Середниково. В мыльне. Ночью, когда мы ходили попа пугать»...

Предполагают, что окно Михаила Юрьевича находилось среди небольших окон второго этажа правого бокового флигеля. Здесь в XVII веке стоял дом князей Черкасских. О «мыльне» напоминает сегодня Банный овраг, очень глубокий, заросший непролазным кустарником и лесом. Среди леса — руины прежней бани, выстроенной тут екатеринским вельможей Всеволодским. Трехарочный «Чертомок» висит над этим оврагом, живо рисуя в воображении давние легенды о нечистой силе, которыми овевано это место в народных преданиях. Лермонтов с сыном хозяйки усадьбы Аркадием, нарядившись в картонные латы и вооружась картонными же мечами, ходили к мосту «попа пугать» — священника местной церкви (что стоит по сей день) Зерцалова, приходившего в усадьбу поиграть в картишки. Хотели было пройти лесом ночью до ближайшей деревни Подолино, но продрогли и вернулись домой. В склоне оврага пробил себе путь ледяной и кристальный родник, так же щедро утоляющий жажду, как в лермонтовские времена.

В полутора километрах от Середникова находится деревня Федоровка, в прошлом Верещагиновка. Здесь останавливалась на лето «наперсница юношеских мечтаний» Лермонтова, его московская кузина Александра Михайловна Верещагина. Ей посвящена поэма «Ангел смерти». Из Федоровки открывается вид на Большаково, где в гору поднимается аллея из старых тополей и где жила у своей тетушки Прасковьи Васильевны Катенька Сушкова. Это ей в 1830 году писал поэт:

Однако же хоть день, хоть час
Еще желал бы здесь пробыть,
Чтоб блеском этих чудных глаз
Души тревоги усмирить.

Г. БЛЮМИН,
литературовед.
Солнечногорский район.

14 ОКТ 1984

ПЕНИНСКОЕ ЗНАНИЕ
Москва

2